

УДК 94:821.411.21(534)

**ЙЕМЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ АРАВИИ К ИНОСТРАНЦАМ
В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ**

Слепухина О.П.

Поэзия на Юге Аравии всегда играла особую роль в жизни народа, она отражает социальную и политическую жизнь Йемена, что обуславливает возможность использовать ее как исторический источник. В данной статье автор рассматривает йеменскую поэзию как источник по истории отношений местного населения с иностранцами. Проанализировав стихотворные тексты разных исторических периодов, в которых находили отражение образы португальцев, турок, британцев, и др., автор приходит к выводу, что отчасти через сложение стихов, в которых «свои» противопоставлялись «чужакам» – иностранцам, происходило осознание йеменцами себя как народа. Кроме того, некоторые стихотворения предоставляют ценные исторические описания, которые могут стать важным дополнением к уже известным сведениям.

Ключевые слова: Южная Аравия, история Йемена, народная поэзия, исторический источник, арабская поэзия.

**THE YEMENI POETRY AS A PRIMARY SOURCE OF RELATIONS
BETWEEN THE SOUTH ARABIA POPULATION AND FOREIGNERS
IN MODERN AND CONTEMPORARY PERIODS**

Slepukhina O.P.

Poetry in South Arabia has always played a special role in people's life; it reflects the social and political life of Yemen that makes it possible to use it as a primary source. In this article the author considers Yemen poetry as a source of history of relations between the local population and foreigners. Having analysed poems of different historical periods with images of the Portuguese, the Turks, the British, etc. the author comes to the conclusion that partly by composing verses where “us” was opposed to “them”, aliens, the Yemenis realized themselves as a

nation. Besides, some poems provide valuable historical descriptions that can be an important addition to the already existing narrative.

Keywords: South Arabia, history of Yemen, the folk poetry, primary source, the Arab poetry.

На Юге Аравии поэзия имеет особенное значение, особенную силу. Зародившись еще в доисламскую эпоху, она сохраняет свое значение и в XXI веке. Поэзия сопровождает человека всю жизнь, это его неотъемлемая часть. В Йемене стихотворение – это не только произведение искусства, но и способ отражения социальной и политической действительности [4, р. 21]. Посредством поэзии происходит самоидентификация, обозначение грани между «своим» и «чужим». Поэтому с помощью народной поэзии можно проследить отношения населения Йемена с иностранцами, от португальцев, появившихся у берегов Южной Аравии на рубеже XV-XVI вв., до американцев, которых проклинали в своих замилях поэты-хуситы. Привязка содержания стихотворения к реальным историческим лицам и событиям бывает условной, однако даже в таких случаях произведение не теряет своей источниковой ценности, так как отображает общественно-политическую жизнь в целом. Стихи же, имеющие в своей основе исторические события, пусть, возможно, и приукрашенные поэтом, уже более конкретно демонстрируют отношения между местным населением и «чужаками».

Среди стихотворений об иностранцах, самое большое количество – о британцах. Это можно объяснить, во-первых, длительностью «соприкосновения» с ними йеменцев – с 1839 по 1967 гг., а во-вторых, временной близостью этих событий к нашим дням. Скорее всего, стихов, например, о португальцах тоже было написано много, однако до нас дошла лишь их незначительная часть: письменная фиксация не была распространена из-за низкого уровня грамотности, и многие стихотворения были забыты. Поэтому исследователям доступны либо самые яркие образцы поэзии,

сохранившиеся в культурной памяти народа, либо стихотворения более позднего периода о событиях минувших лет.

Как же культурная память Йемена сохранила образ «чужаков»?

На рубеже XIV-XV вв. в водах Красного моря и Индийского океана появились португальцы, которым был нужен Йемен для создания там перевалочного пункта на пути из Европы в Индию [18, с. 39-38].

В феврале 1523 г. португальцы напали на город-порт Шихр, а организаторов сопротивления уничтожили. Культурная память народа сохранила эту историю «семи мучеников»: в честь погибших героев был построен мавзолей, им посвящены стихи и целые книги [15, с. 28]. Так, ‘Абдалла Бā ‘Аббūd Бā Мазхидж, имам мечети Қудаймитй, участник битвы с португальцами, описывает всеобщее единение против «пришельцев», перечисляя названия и описывая одежду разных групп населения, принявших участие в сопротивлении «людям кораблей и лодок» (ахль ал-суфун ва-л-кавāриб) [18]. Бū Сарāджйн, поэт XX века, в касыде, посвященной нападению португальцев на порт Шихр, пишет: «Достоин прославления каждый, кто был усерден в сражении и защите родины», описывая далее стойкость и отвагу защитников Шихра, отчаянно сражавшихся против врага: «преподали им [португальцам] урок, который те никогда не забудут» [3, с. 14].

На смену португальцами пришли турки – в XVI веке Йемен почти на 100 лет стал частью Османской империи. Однако в 1635 г., после продолжительной борьбы, сопровождавшейся временными победами, перемириями и разгромами, йеменцам удалось освободиться от завоевателей. «Ваши отцы до вас, жившие раньше, // Румяными лицами прогнали турок и зейдитов! // Кахтан их всех прибрал! // От Масилы до берега Адена», – цитирует историк П. Дрэш стихотворение, иллюстрирующее отношение воинственного населения региона Йафи’ к турецким солдатам [17].

В 1872 г. турки вновь заняли Йемен, однако уже в 1918 г., с распадом Османской империи, Северный Йемен стал независимой монархией. Интересно, что турецкие кампании в Йемене оставили в турецкой культурной

памяти даже более яркий след, чем в йеменской. Йемен вошел в турецкую историю как «синоним кладбища для турецких солдат» [18, с. 155]. Этим событиям посвящены народные турецкие песни, тюркю: «О Йемен, его роза – это трава, \\ Уходящий туда не возвращается, интересно, почему...», – поется в одной из таких песен [11, с. 23].

Северный Йемен в 1918 г. получил независимость от Османской империи и представлял собой независимый имамат, во главе которого стоял имам Яхья бен Мухаммед аль-Мансур Хамид ад-Дин. При нем страна была относительно закрытой: «Я и мой народ скорее будем есть солому, чем допустим в нашу страну иностранцев», – говорил Яхья, утверждая, что другие страны были колонизированы, потому что они допускали иностранцев к своим ресурсам [6, р. 50]. И даже «модернистские устремления» в образовании, например, преподавание географии, арифметики и введение уроков физкультуры, казались чем-то навеянным извне, а потому сомнительным. «Господи, защити Йемен от иностранцев, Господи, не дай им попасть в Йемен», – молились в окрестностях Таизза, где была построена такая «современная» школа [6, р. 53].

Как уже говорилось выше, подробнее всего в йеменской поэзии были описаны отношения с британцами. Они появились у берегов Южной Аравии на рубеже XVI-XVII в., но захват Адена произошел лишь более века спустя – в 1839 г. [6, р. 4]. Вот как об этом повествует поэт Мухсин Али Ясир в XX в.:

«Без всякого повода, кроме дикого аппетита, \\ Накатилась их волна утром. \\ Их командующего с гнусными помыслами и намерениями \\ зовут Гайнс, он командир пиратской армады, [приплывшей] на четырех военных кораблях. \\ Атакующих... Разящих... Правительственных... \\ Они разбрызгивают огонь из орудийных башен, \\ Их снаряды буквально выкашивают людей \\ на острове Сира и в его упорной крепости, \\ Чье войско – йеменские доблестные мужи. \\ Они думали, что ее [можно взять] легко и мимоходом, \\ Без борьбы и дыма» [9, с. 13].

Далее поэт описывает, как ошиблись в своих расчетах англичане, захватившие Аден только благодаря превосходству их оружия. «Они сказали:

мы пришли ради вашего блага, // мы принесем цивилизацию в ваши отсталые места, // будем оберегать ваши интересы и заботиться о них» [9, с. 13], – передразнивает поэт британского капитана Гайнса. Он сочувствует борьбе своих предков и упрекает тех, кто не участвовал в ней активно или даже помогал англичанам.

О роли, которую сыграла Великобритания в Йемене, идет множество споров. С одной стороны, она вкладывала в развитие своих южноаравийских владений значительные финансовые ресурсы, открывала там школы и больницы, но с другой – навязывала свои политические и культурные ценности, что не нравилось свободолюбивым йеменцам. Уже в конце XIX в. появляются антибританские стихи, отличающиеся от стихов, порожденных межплеменными конфликтами, более резкими сравнениями и откровенной враждебностью.

Против поработителей направлены стихи многих поэтов Юга, но непростыми были отношения с британцами и у Северного Йемена: в 20-х гг. имам Яхья Хамид ад-Дин предпринимал попытки по расширению своих территорий, в том числе, он претендовал на некоторые южные территории, занятые англичанами. Для борьбы с имамом британцы использовали авиацию, против которой Мутаваккилийское королевство было бессильно. «Это варварство – приходить с тем, чего нет у нас. Сражение было бы сражением, будь вы воинами, которые не боятся солдат», – сказал поэт Яхья ал-Ирьяни о бомбардировке Ибба и Таизза, где находились люди имама [6, р. 34].

В 1938 г. имам Яхья послал Али Насера ал-Карда'и, шейха из района южнее Мариба, взять Шабву, подконтрольную Великобритании. Поход закончился поражением шейха, против которого британцы вновь использовали авиацию. В своем стихотворении ал-Карда'и так описывает свой поход: «Ночью на верблюдах мы совершили переход // за звездой, ведущей прямо на восток. // В Шабве же сладость в наших ртах стала горькой, // и мы сказали: «О Сокровенный, Милосердный, защити нас». По поводу англичан ал-Карда'и говорил, намекая на вынужденную необходимость считаться с их мнением: «Я

был бедуином, абсолютно свободным, не испрашивающим ни у кого разрешений, как и моя страна...». В других его стихах тема недовольства британцами повторяется, к чему прибавляется еще горечь по поводу связей с ними правительства: «Они все сговорились, от Саны до Лондона, // все участвуют в этом, сейииды и христиане. // Они делят страну, устанавливая идолов, // раздавая части Йемена главам племен и султанам» [6, р. 42-43].

Контакты Севера с иностранцами не ограничивались турками и британцами. В 1926 г. с итальянской делегацией над Саной появился первый самолет. П. Дреш пишет, что по этому поводу была сочинена касыда, однако не приводит ее текста. Затем Йемен купил два самолета в Германии, про полеты которых над Саной была сложена песенка: «Одним прекрасным утром к нам приехал летчик и оставил всех женщин трепетать от любви». Однако бурного развития авиации не последовало – после авиакатастрофы, в которой разбились два йеменца и два немца, имам запретил самолеты [6, р. 54].

Между тем, на Юге поэты призывали южноаравийские племена объединиться для изгнания колонизаторов. Одно из таких обращений, считающееся первой политической касыдой Хадрамаута, было написано в 1937 г. шейхом Салахом Ахмадом Лахмади ал-Ку'айти, эмигрировавшим в Индию, но с тревогой следившим за тем, что происходит в Йемене [3, с. 32]. Предыстория этой касыды такова: еще в 1882 и 1888 гг. по инициативе британцев, стремившихся найти опору в местных правителях, были подписаны договоры о дружбе и протекторате между британским правительством и султаном ал-Ку'айти. В 1937 г. было подписано еще два договора, первый получил название «мир Инграмса», по имени британского колониального администратора, по чьей инициативе был заключен этот договор. К.-Д. Шруль излагает условия, в которых был подписан договор, так: «Англичан никак не устраивало отсутствие полных гарантий безопасности хотя бы такой военной базы, которая находилась под Эль-Мукаллой. Надо было срочно что-то предпринимать. Тогда и появилась "программа умиротворения и развития", обязанная своим рождением дню 1 февраля 1937 г., когда бомбардировщики

британских ВВС сравнивали с землей деревни, расположенные вокруг Бин Йемайна, после чего англичанам действительно удалось навязать бедуинам перемирие на целых три года, подписанное бедуинскими вождями» [22].

Второй договор был заключен в августе: султанаты ал-Ку‘айти и ал-Касири подписали соглашение о том, что их будет консультировать постоянный британский советник, рекомендации которого они обязуются непременно выполнять «во всех вопросах, за исключением мусульманской религии и обычаев». Инграмс объявил мир «арабским решением арабской проблемы», добавив, что британцы должны лишь «ненавязчиво консультировать» [6, p. 37]. Однако на практике получилось иначе. Автор комментария к касыде пишет, что стало представлять управление после появления «советника»: маджлис выносит решения, какие устраивают советника, и даже на должность кади назначаются удобные ему люди, даже если они не имеют специального богословско-правового образования. Другими словами, этот маджлис «был более английским, чем англичане» [8].

Итак, Салах Лахмади ал-Ку‘айти в своей политической касыде, присланной из Хайдерабада, порицает договор о протекторате, навязанный Британией султанату ал-Ку‘айти еще в 1888 г., и упрекает племена в молчании, призывая восстать против иностранного вмешательства. На эту касыду был написан ответ одним из сторонников британской политики в Хадрамауте, подписавшимся «Фараздак». Этот псевдоним – отсылка к панегиристу I в. Хиджры аль-Фараздаку, известному своими касыдами полемического характера. Итак, автор касыды-ответа спорит с Лахмади, утверждая, что дела в Хадрамауте идут все хуже, и положение может спасти только создание сильного государства, а «мистер Инграмс» может это сделать: «Да здравствует Инграмс, из страха перед которым склоняются горы. // Он обезопасил ее [страну] без проблем и без войска». При этом он замечает, что «в Йемене сейчас положение лучше, чем в Европе» [8, s. 11]. Лахмади, отвечая своему оппоненту, пишет, что британцы под предлогом защиты Йемена от Гитлера и Муссолини заключили этот договор, обманув йеменцев.

Анонимный автор комментария к касыде замечает, что Инграмс был очень разозлен касыдой Лахмади, и именно это послужило причиной бомбардировки с воздуха племени ал джабир. Однако такая трактовка не кажется достоверной: касыда была послана в Хадрамаут не ранее августа 1937 г., а бомбардировка бин йамани из племени ал джабир, заблокировавших дорогу из Тарима в Шихр, произошла в конце 1936 г. Искажение хронологии можно объяснить предубеждением комментатора по отношению к Инграмсу: «...грехи окружают Инграмса справа, слева и сзади» [8, с. 11].

Конечно, не все разделяли такую позицию: многие, устав от бесконечных усобиц, были благодарны Инграмсу, считая его появление в Хадрамауте добрым знаком: «Инграмс замечателен. С тех пор как он побывал в Хадрамауте, каждый год приходит дождевой паводок» [13, с. 173].

Но, несмотря на это, число антибританских стихотворений увеличивается. Поэзия способствует национальному подъему и становится голосом революции. Национальные идеи получают отражение в разных стихотворных жанрах, от коротких воинственных племенных замилей до песен бойцов сопротивления. Литературно-просветительские объединения сыграли роль центров зарождения политической оппозиции. Поэзия же явилась средством распространения революционных идей среди населения страны.

В 1938 г. возникла патриотическая организация «Ассоциация Великого Йемена», в 1947 г. опубликовавшая «Священную национальную хартию», содержащую требование проведения конституционных реформ [14]. О деятельности этой организации поэт Лутфи Джа'фар Аман сказал, подчеркивая вклад организации в формирование национального самосознания йеменцев: «Они принесли факел прямого пути для молодежи, покорной в смирении своем и унижении» [16, с. 80].

Еженедельная газета «ар-Ра'ид», выпускавшаяся в 1961-1964 гг., публиковала цикл стихов на диалекте, затрагивающих целый ряд социально-политических вопросов, наиболее волнующих население, или таких, к которым поэты хотели привлечь его внимание. Этот цикл назывался «Стихи Бу Амира»,

по имени легендарного хадрабийского народного поэта, который, предположительно, жил около тысячи лет назад и принадлежал к племени бану хилал. В этом цикле поэт часто обращается к народу, стремясь пробудить его, призвать к избавлению от униженного и безмолвного положения. Он порицает страх перед трудностями, вместо которого в их душах должны быть храбрость и отвага. Революцию поэт сравнивает со светлым утром, которое непременно наступит после черной ночи. «Сказал Бу Амир: когда я увижу единство Хадрамаута? Весь народ требует единения», – читаем в одном из них. Поэта волнует тема отсутствия единого сильного авторитетного правительства. Разделение Хадрамаута между султанами ал-Касири и ал-Ку‘айти не нравится жителям, так как эти границы отделяют друг от друга "детей одной родины". Призывы к единству Хадрамаута становятся предтечей призывов к объединению всего Йемена [3, с. 31-39].

«Пришло время объединиться и забыть прошлое», – пишет другой поэт, Хамис Салим Кинди, призывая все слои общества, «низкие» и «высокие», соединить свои усилия в борьбе с иностранцами, пользующимися с позволения правительства ресурсами Йемена. «Не позор ли оставаться под британским протекторатом?» – спрашивает он в другом стихотворении, призывая свой народ к обретению независимости, «следуя по пути, по которому уже прошли другие народы». Призыв к объединению бедуинов, жителей деревни и горожан для освобождения от колониализма звучит и в других стихах: «Скинем одежду бесчестья..., сохраним наше достоинство и величие. Достаточно с нас жизни в унижении и тяготах». При этом поэт осознает, что путь к освобождению не прост, но призывает не бояться трудностей, наказания со стороны колонизаторов, тюрьмы, ибо по-настоящему заключен в тюрьму, несвободен («саджин») только тот, кто довольствуется жизнью угнетенного. Поэт не соглашается, пока не изгнаны колонизаторы, заняться заботами о личном благосостоянии, и предпочитает жизнь в бедности. Он также критикует власти за предоставление прав иностранным компаниям на добычу нефти, (вероятно, имеется в виду открытие нефтеперерабатывающего завода «Бритиш

Петролеум» в 1954 году) считая, что это «надувательство народа», кража того, что принадлежит ему по праву [3, с. 41-46].

Некоторые патриотические стихи того времени кладутся на музыку, превращаясь в песни. «О угнетатель, зачем весь этот гнет? <...> О угнетатель, непременно наступит день, когда ты пожалеешь...», – исполнял Мухаммад Муршид Наджи песню Абдаллы Хади Сабита на фестивале в 1957 г. [10, с. 20].

«Я отомщу», «Сын Юга», «Единство», «Возьмемся за руки», «Мой народ сегодня восстал», «Пришла пора вернуться, сын Йемена» – названия ясно отражают содержания песен, в которых авторы призывают народ объединиться против иностранного врага, который часто остается безымянным или именуется в целом – чужак. А, например, в песне «Помешайте переселению» в бедах аденцев автор винит выходцев из Индостана, которые «заняли места тех, кому эти места принадлежат по праву».

В этот период в Адене усиливается национально-освободительная борьба, в которой активную роль играл Народный фронт. «[Йеменец] добросердечен, но меч йеменца – рубящий!», – сказал в своей касыде через сорок лет поэт об отношении йеменцев к колонизаторам [19, с. 160].

В феврале 1966 г. британское правительство, столкнувшись с ростом освободительного движения южнойеменского народа, было вынуждено объявить о предоставлении стране независимости к 1968 г. Британцы рассчитывали, что это остановит народную борьбу и побудит политических деятелей Южного Йемена вступить с ним в переговоры. Но освободительная война продолжалась, ширилась забастовочная борьба в Адене и Хадрамауте, в ходе которой выдвигались требования экономического и политического характера, повсеместно проводились демонстрации. «Я народ. Я нарастаю, как мощное землетрясение. Мой гнев задушит пламя врагов. Я народ. Моя железная воля повергнет и самого сильного наземь. Ничто не способно остановить мое движение вперед. Я народ», – поется в песне бойцов Радфана. [22]

«Я вижу, что Аден кипит от ненависти как котел, и недолго до того, что его сметет какой-нибудь поток», – читаем в политической касыде Мухаммада Саида Гаррады [16, с. 125]. Так и случилось: Народный Фронт, получив поддержку федеральной армии, практически в полном составе перешедшей на его сторону, и полиции, стал реальной политической и военной силой. Летом 1967 г. повстанцы перешли в наступление и установили свой контроль над всем Южным Йеменом. В этих условиях английские правящие круги вынуждены были начать переговоры с представителями НФ, официально признав его организацией, правомочной взять власть в Южном Йемене после предоставления ему независимости. Протекторат Южной Аравии стал Народной Демократической Республикой Йемен. «На нашей улице после долгой борьбы // впервые засияло утро, // свобода воспарила желанно, // на крыльях света устремляясь вдаль», – написал в своем ликующем стихотворении поэт Лутфи Джа‘фар Аман [16, с. 138].

«Свободный народ Юга решил оборвать // всякую связь с эпохой деспотизма, // решился забрать свою свободу // у тех, кто привык держать народ в рабстве...», – говорил Махфуз Салим б. ал-На‘ум, приветствуя в своей касыде революционные события 1967 года. Он рассказывал об ожесточенном противостоянии бойцов Народного Фронта английским солдатам, горюет о погибших и вспоминает начало оккупации Адена, жалея, что капитан Гайнс никогда не узнает о революции, покончившей с британским колониализмом на Юге Йемена [2, s. 41-48]. Эта касыда была создана через несколько лет после описываемых в ней событий, но и спустя десятилетия после обретения независимости поэты вспоминают о борьбе народа против англичан: «Звезда колонизаторов арабского мира потухла; среди тех, кто угнетал нас – британец. // Его армии были на моей земле, а родина [была] забитой; он отнимал, и грабил, и срывал любую ветвь. // Однако мой народ <...> изгнал их [завернутыми] в саваны» [19, с. 160-161].

К концу XX в. – началу XXI в. народная поэзия сохраняла свою роль в йеменском обществе, однако появление в Южной Аравии телевидения и

Интернета не могло не повлиять на темы стихов. Так, если темой поэзии начала XVI в. были события, касающиеся непосредственно Йемена, пусть и связанные с «чужаками», то уже в XX в. йеменские поэты активно складывали стихи и о том, что происходит в других странах, главным образом, на Ближнем Востоке и в Америке. В этот период в йеменской поэзии из иностранцев действительно чаще всего упоминаются американцы, причем в основном такие упоминания имеют негативный оттенок, и это характерно не только для поэзии радикалов. В таких стихах практически не говорится о взаимодействии с ними населения Йемена, так как история отношений Йемена с США относительно коротка: Мутаваккилийское королевство установило дипломатические отношения с США в 1946 г., а Южный Йемен – в 1967 г., к тому же эти отношения не были столь интенсивны, как, например, с британцами. В основном йеменцы порицают США (и Запад в целом) за агрессию в разных странах мира: «Застучали барабаны войны, и срок ее приблизился, // и бешеный волк хочет сокрушить мир до основания. // Сегодня он в Басре, а завтра – в Халебе, // а затем сын Буша вломится в каждую дверь!» В других замилях поэты призывают всех арабов объединиться против сил Запада: «...не будет Америке покоя, пока есть мы и есть [оккупация]!» [19, с. 120-121].

Подобные мотивы звучат и в поэзии членов радикальных группировок. В джихадистской среде довольно распространено стихосложение, ведь поэзия, как уже неоднократно говорилось в этой работе, имеет в Южной Аравии особенное значение. Авторы описывают совершенные теракты, а кроме того, преследуя идеологическую и пропагандистскую цели, стремятся воздействовать на эмоциональное состояние читателя. Значимость поэзии для джихадистов подтверждается строками из письма Усамы бен Ладена, где он просит порекомендовать ему человека для «большой операции в Америке», а в следующем предложении – кого-то, кто разбирается в стихотворных размерах [5]. В джихадистской поэзии развита система противопоставлений, например, мусульманин / неверный, верующий / вероотступник. Йеменские джихадисты

сравниваются со львами и противопоставляются «муравьям» – «евреям и их сторонникам» [7, p. 259].

Стихосложение распространено и у военизированной зейдитской группировки хуситов, чей экстремистский девиз лег в основу касид и замилей: «Смерть Америке, [пусть] умрет, потерпев поражение, // Смерть Израилю, [пусть] умрет приспешник. // Проклятие Аллаха ничтожным иудеям. // И однажды наступит [день, когда] ислам победит» [1].

Вполне естественно, что эта экстремистская риторика встречает должный отпор: в Йемене ведется антитеррористическая борьба посредством поэзии. «Другие страны борются с терроризмом с помощью оружия и бомб, но здесь, в Йемене, мы используем поэзию. Своими стихами я стараюсь убедить в необходимости мирной жизни людей, которых нельзя принудить к этому с помощью законов или силы», – говорит поэт Амин ал-Машрики [12]. «Терроризм, терроризм заставил нашего гостя бояться; [терроризм] принес в Йемен беду от подлого человека. Они навредили древней земле невиданно и разрушили землю Йемена во имя религии», — сокрушается поэт Набиль Хусейн ал-Халеди [19, с. 162].

Во все времена – с появления португальцев у берегов Красного моря и Аденского залива, во время двух турецких завоеваний, в период британского владычества и с подъемом антиамериканских и антиизраильских настроений йеменские поэты вкладывали в свои произведения оттенки грусти по свободе, «правильной» и праведной жизни, гнева по отношению к чужакам, четко противопоставляя им свой народ. Отчасти, таким образом, благодаря озвученной дихотомии «свои-чужие» у йеменцев сформировалось осознание себя как народа. На основании имеющихся источников можно сделать вывод о тенденции в отношении к «чужакам» – свободолюбивые йеменцы всегда стремились избавиться от внешнего воздействия, независимо от того, действительно ли оно негативно сказывалось на состоянии страны и местного населения, или влияние объявлялось вредным только потому, что оно иностранное. Как, например, когда прогрессивные тенденции в образовании

считались чуждыми, привнесенными извне, а потому – опасными. Яркий пример этому – антибританские стихи, для которых характерны резкие сравнения и откровенная враждебность

В заключение хочется вспомнить слова палестинского критика Джабра И. Джабра, который писал, что «поэзию можно порицать, как слишком слабую игрушку против ружей, но на самом деле она часто бывает ничуть не хуже динамита» [21, с. 579]. В Йемене этот «динамит» с давних пор использовался против засилья чужаков-иностранцев, и, по-видимому, это «оружие» не устарело и в наши дни. Вопрос лишь в том, в каких целях оно применяется – деструктивных или созидательных.

Список литературы:

1. ‘Abd al-Muḥsin al-Nimrī. Qaṣā’id al-Mujāhidīn al-Yamaniīn fī-l-Ṣa‘ada [Электронный ресурс] // Muntada islāmī thaqāfī li-muhibbī anṣār alla fī-l-Yaman [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/5SyqQf> (дата обращения: 03.09.18).
2. Bā Maṭraf Muḥammad ‘Abd al-Qādir. Al-’Iqta‘iyūn kānū hunā, Al-Mukallā, 1983.
3. Bā Wazīr ‘Abdallah. Al-Waṭanīya fī al-shi‘r al-sha‘bī. Al-Mukallā, 1980.
4. Caton S. «Peaks of Yemen I summon»: Poetry as Cultural Practice in a North Yemeni Tribe. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1990.
5. Creswell R., Haykel B. Battle lines: Want to understand the jihadis? Read their poetry [Электронный ресурс] // New Yorker [сайт]. 08.06.2015. URL: <https://goo.gl/4afEg6> (дата обращения: 03.09.18).
6. Dresch P. A History of Modern Yemen. Cambridge University Press, 2002.
7. Kendall E. Yemen’s al-Qa’ida and Poetry as a Weapon of Jihad: Twenty-First Century Jihad: Law, Society and Military Action. London; New York : I.B. Taurus, 2015. P. 247-269.
8. Laḥmadī al-Qu‘aytī. Awwal qaṣīda ḥadramīya siyāsīya bi-l-lugha al-ḥadramīya tabkī min al-tadaḥḥul al-britānī fī Ḥadramawt [Ксерокопия рукописи].

9. Muḥsin ‘Ali Yāsir. *Malmaḥatu-l-Yaman*. Damascus, 1983.
10. Naji Muḥammad Murshid. *Ughniyāt wa ḥikayāt*. Jeddah: Maktabat al-jeil, 2001.
11. Özcan Hüseyin. *Türkülerin gerçekleri ve Yemen türkülerinin arka planı* // *Yağmur Kültür Sanat Edebiyat Dergisi*, 2004. S. 23.
12. *Politics and Poetry in Yemen* [Электронный ресурс] // *Arabic Literature and Translation* [сайт]. 22.03.2011. URL: <https://goo.gl/xZcxeB> (дата обращения: 03.09.18).
13. Stark F. *A Winter in Arabia: A Journey Through Yemen*. New York: The Overlook Press, Peter Mayer Publishers, Inc., 2002.
14. Густерин П. *Гибралтар Востока* [Электронный ресурс] // *Военное обозрение* [сайт]. 25.04.2015. URL: <https://goo.gl/ReYkrC> (Дата обращения: 20.06.2018).
15. Родионов М. А. *Культурная память и мерная речь на Юге Аравии: Хадрамаут*. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
16. Рудасев С. А. *Тема родины и патриотизма в Йеменской поэзии (30-е – 70-е гг. XX в.): дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.06 – литературы народов Азии и Африки*. Л., 1989.
17. Серебров С. *К природе хадрамаутского социо-культурного феномена: [Электронный ресурс]* // *Academia.edu* [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/XJtkEu> (дата обращения: 03.09.18).
18. Стихи ‘Абдаллы Бā ‘Аббūда Бā Мазхиджа, имама мечети Қудаймитй, участника битвы с португальцами // *Из полевых материалов этнографической группы СОЙКЭ (сезон 1987 г.), с которыми автора настоящей работы познакомил М.А. Родионов*.
19. Суворов М. Н. *Ал-Урр и Самар чествуют гостей. Праздничная поэзия из Йафи‘ (Йемен)*. СПб.: Фонд восточных культур, 2003.
20. Удалова Г.М. *Йемен в период первого османского завоевания (1538-1635)*. М.: Наука, 1988.

21. Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива / Пер. с англ. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2008.

22. Шруль, К.-Д. Сабах – утренняя заря [Электронный ресурс] // Всемирная история [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/NRvY9s> (дата обращения: 03.09.18).

Сведения об авторе:

Слепухина Ольга Павловна – магистрант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Slepukhina Olga Pavlovna – master's degree student of Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: olya2s2s@mail.ru.